

М. Н. Суворов

НОВЫЕ РОМАНЫ ИЗ ЙЕМЕНА: МЕЖДУ ОТКРОВЕНИЕМ И ЭПАТАЖЕМ¹

Примечательной чертой литературной жизни арабских стран в два последних десятилетия, особенно с начала 2000-х годов, стало появление большого числа произведений, отличающихся от произведений предыдущего периода смелостью и откровенностью в рассмотрении тем и сюжетов, которые ранее считались запретными — как в рамках мусульманской культурно-религиозной традиции, так и по причине политических ограничений свободы слова. Среди этих тем и сюжетов — интимные отношения между полами, нетрадиционная сексуальная ориентация, сомнения в справедливости некоторых религиозных принципов, неприятие архаичных общественных устоев и пропаганда западного образа жизни, критика деятельности мусульманского духовенства и правящих политических режимов и т. п.

Широкий читательский интерес к подобным произведениям, часто воспринимаемым как слово откровения, принес известность не одному арабскому автору — причем не только в арабском мире, но и на Западе, поскольку многие из этих произведений были переведены на европейские языки. Можно упомянуть здесь такие повести и романы, как «Дизель» (1994) эмиратца Сани ас-Сувейди, «Дом Якобьяна» ('Имара Йа'кубийан, 2002) и «Чикаго» (2007) египтянина Аля аль-Асуани, «Горные челны» (Кавариб джабалийя, 2002) и «Страна без Неба» (Биляд биля Сама', 2008) йеменца Ваджди аль-Ахдаля, «Девушки Эр-Рияда» (Банат ар-Рийад, 2005) саудийки Раджа' ас-Сане', «Азазель» ('Азазиль, 2008) египтянина Йусуфа Зейдана, «Ожерелье голубок» (Таук аль-хамам, 2010) саудийки Раджа' аль-Алем, но список этот слишком велик, чтобы продолжать перечисление.

Эта новая «откровенная» манера письма занимает в настоящее время важное место в исследованиях арабистов-литературоведов, о чем свидетельствуют, например, доклады, сделанные на конгрессах Ассоциации европейских исследователей современной арабской литературы (EURAMAL), проходивших под тематическими названиями «Желание, удовольствие и табу» (Рим, 2010) и «Литература и Арабская весна: анализ и перспективы» (Париж, 2012).

Популярность, которую подобные произведения принесли их авторам, и, конечно же, материальная отдача от этой популярности побуждают обращаться к этой «откровенной», «вызывающей» манере даже тех авторов, которые ранее в своих сочинениях были достаточно «целомудренными». Так, например, эмиратский писатель Али Абу-р-Риш, начинавший в 1980-е годы с романов фактически просветительского характера, в 2000-е годы стал смаковать сексуальные темы, а его роман

Суворов Михаил Николаевич — д-р филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: soumike@mail.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта «Сравнительные исследования парадигм художественно-литературных доминант стран Азии и Африки (диахронический аспект)» (Руководитель — А. В. Образцов, шифр 2.38.44.2011).

© М. Н. Суворов, 2013

«Триада любви, воды и земли» (Сулясийат аль-хубб ва-ль-ма' ва-т-тураб, 2007) критик Йасер Гариб на страницах одного интернет-ресурса назвал безвкусной непристойностью, лишенной малейшей художественной ценности. Это высказывание критика — вполне, на наш взгляд, справедливое — можно отнести и ко многим другим арабским сочинениям последних лет, авторы которых стремятся добиться известности, не всегда понимая, что есть откровение, а что — просто эпатаж.

С этой точки зрения мы рассмотрим здесь три йеменских романа, вышедших на рубеже двух первых десятилетий XXI в. Это «Красавчик-иудей» (аль-Йахуди аль-хали, 2009) Али аль-Мукри, «Покорные жены» (Акылят, 2009) Надии аль-Каукабани и «Красный манускрипт» (Мусахф ахмар, 2010) Мухаммеда аль-Гарби Амрана.

Али аль-Мукри, известный в Йемене поэт, дебютировал в прозе романом «Черный вкус, черный запах» (Та'м асвад, ра'иха сауда', 2008), главную сюжетную линию которого составила «запретная» любовь подростка из социальной страты *кабаиль* к девушке из страты *мазайина*, более низкой по своему статусу². Любовь эта разворачивается на фоне жизни *ахдам*, представителей самой низкой в Йемене социальной страты, фактически йеменских «неприкасаемых». Хотя автор позиционировал свое сочинение как некое откровение о жизни несчастных *ахдам*, незаслуженно презираемых в обществе и совершенно игнорируемых правительством, стремление к эпатажу заставило его пренебречь правдоподобием описываемого. Бесконечное «смакование» отвратительных физиологических актов, сексуальных извращений и оргий, происходящих среди нечистот, — все это воспринимается как картина жизни полуживотных, а не людей, оправдывая, таким образом, осуждаемое самим же автором негативное отношение большинства йеменцев к представителям этой касты. Несмотря на это явное противоречие между авторским замыслом и содержанием романа, «Черный вкус, черный запах» вошел в число номинантов на присуждение премии за лучший арабский роман (учреждена в 2007 г.) — то ли из-за темы запретной любви, то ли из-за «откровений» относительно образа жизни «неприкасаемых».

Несомненно, под впечатлением этого успеха, год спустя аль-Мукри опубликовал «Красавчика-иудея», в котором продолжил тему «запретной» любви — на этот раз между юным йеменским иудеем и юной мусульманкой³.

Первая, наиболее объемная часть романа имеет вид мемуаров, написанных в XVII в. неким Салемом, уроженцем северойеменской Рейды. Салем начинает свою историю с рассказа о том, как он, юный иудей, полюбил Фатиму, дочь местного муфтия, в доме которого ему довелось производить столярные работы. Собственно любовные переживания Салема изображены здесь крайне схематично; гораздо откровеннее выглядит описание им своего первого сексуального опыта с иудейкой по имени Саба, о которой он говорит (в рукописи XVII в.): «Достаточно мне было представить ее округлые груди и сочную попку, как между бедер у меня происходило излияние» [2, р. 40]. Отношения Салема с Фатимой сводятся в этом повествовании к совершенно неправдоподобному для подростков XVII в. «интеллектуальному» общению: Салем учит Фатиму читать и писать на иврите, а она его — на арабском языке. Быстро освоив соответствующие письменности, молодые люди начинают обмениваться книгами, причем в библиотеке муфтия обнаруживаются рукописи сочинений таких средневековых арабо-мусульманских классиков, как Ибн Си-

² Об этом романе см.: [1].

³ Брак между мусульманкой и иудеем в исламе запрещен.

на, Ибн Хазм, аш-Шахрастани, Ибн аль-Кальби, Ибн аль-Араби, аль-Халладж, Абу Бакр ар-Рази, Ибн Аби Хаджала. Перечисляя названия сочинений этих классиков, аль-Мукри, очевидно, стремился придать «серьезность» собственному авторскому имиджу, который мог пострадать от обилия сексуально-физиологических сцен в его первом романе, однако не учел того факта, что бытование рукописной книги в XVII в. было гораздо более ограниченным, чем он попытался это изобразить. Здесь стоит отметить, что отражение материальных реалий XVII в. в романе практически отсутствует, а среди того немногого, что имеется, достаточно «ляпов»: в XVII в. йеменцы у аль-Мукри уже пьют чай [2, р. 16, 30], а на йеменском рынке предлагаются товары из Японии [2, р. 34].

«Интеллектуальное» общение Салема и Фатимы приводит, наконец, к тому, что они решают соединить свои судьбы. Поскольку мусульманка не может выйти замуж за иудея, автор выдумывает некую религиозно-правовую «лазейку», благодаря которой Фатима сама берет Салема себе в мужья — естественно, в тайне от окружающих, — и герои решают бежать в Сану, где у Салема имеются родственники. В Сане Салем находит своего дядю, юные героини останавливаются в его доме, и Салем начинает помогать дяде в его ремесленном производстве. Вскоре Фатима беременеет, затем рождает и в родах умирает. Во время похорон Салем сообщает родственникам, что его жена была мусульманкой. Это вызывает негодование всей иудейской общины, и Салема вместе с новорожденным изгоняют из дома. Пытаясь пристроить младенца в какую-нибудь семью, Салем повсюду терпит неудачу: его не хотят принимать ни мусульмане, ни иудеи. На этом заканчивается первая часть романа — единственная, в которой можно усмотреть черты художественности. Все последующие части представляют лишь конспективное изложение дальнейших событий.

Во второй части Салем встречает в Сане знакомого мусульманина из Рейды, который втайне от своей родни женился на Сабе — первой «подруге» Салема, и переехал с ней в Сану. У Сабы грудной ребенок, и она соглашается стать кормилицей для сына Салема. Муж Сабы отводит Салема к правителю Йемена имаму аль-Мутаваккилю, по настоянию которого Салем принимает ислам и берет себе новое имя — Абд аль-Хади.

В третьей части романа Абд аль-Хади, возраст которого приближается уже к шестидесяти годам, рассказывает о том, как служил у аль-Мутаваккиля придворным летописцем, сопровождал его армию в походах, а также написал книгу о гонениях, которым подверглись йеменские иудеи в эпоху правления этого имама.

Четвертая часть, стилизованная под историческую хронику, представляет собой как бы ту самую книгу, в которой Абд аль-Хади повествует о бедствиях иудеев во времена аль-Мутаваккиля.

В пятой части, обозначенной как приложение к вышеупомянутой книге, Абд аль-Хади рассказывает о том, как во время изгнания иудеев из Саны встретил своего сына, которого шестнадцатью годами ранее оставил младенцем у Сабы. Сын, оказываясь, завязал любовные отношения со своей молочной сестрой, дочерью Сабы, и поскольку отец девушки не дал согласия на их брак, молодые люди решили бежать из Саны, примкнув к изгоняемым иудеям. Далее автор романа — опасаясь, очевидно, выглядеть совершенно безнравственным⁴ — устами юноши сообщает чи-

---

⁴ Брак между молочными братом и сестрой в исламе запрещен.

тателю, что в действительности влюбленные не были молочными братом и сестрой, поскольку мальчик в свое время отказался брать грудь Сабы, и его вскармливали коровьим молоком. Абд аль-Хади решает отправиться с сыном и его возлюбленной в ссылку на крайний юг Йемена, где он становится свидетелем страданий и массовой гибели иудеев от голода и невыносимого климата. Через некоторое время, впрочем, иудеям позволяют вернуться в Сану.

В последней части романа повествование ведется уже от имени внука главного героя, рассказывающего о мучениях своего отца, пытавшегося похоронить Абд аль-Хади рядом с Фатимой. Ни на мусульманском, ни на иудейском кладбище ему не позволили устроить для них общую могилу, и в конце концов, сложив останки обоих своих родителей в мешок, он ушел в неизвестном направлении. Говоря о сочинениях своего деда, внук Абд аль-Хади называет имена двух йеменских авторов, также описавших историю изгнания евреев из Саны, и читателю, таким образом, становится понятно, чьими трудами воспользовался аль-Мукри для написания романа.

Напоминающий плохую «мыльную оперу», изобилующий неправдоподобными деталями, полностью лишенный изображения как материальных реалий места и эпохи, так и внутреннего мира героев, роман стал продуктом уже использованной автором ранее примитивной стратегии: «возбудить» читателя разговором об «отверженных» — на этот раз об иудеях, и изображением «запретных» любовных связей, которых здесь уже несколько.

Надия аль-Каукабани, одна из наиболее известных в Йемене писательниц, многократно критиковала негативные стороны мусульманской семейно-брачной традиции — и в своих рассказах (три сборника), и в романе «Всего лишь любовь» (Хубб льяса илля, 2006)⁵. Эта тема стала главной и в ее новом романе «Покорные жены», в предисловии к которому писательница говорит: «Я стремлюсь прийти к тому, что могло бы изменить многие вещи, лишаящие как женщин, так и мужчин права свободы выбора — в условиях нашего общественного сознания, мнящего себя божеством, а всех остальных — своими жалкими рабами» [4, р. 7].

Роман имеет своеобразную сюжетно-композиционную структуру. Героиня-повествователь, женщина средних лет по имени Рода, проводит ночь в доме своей школьной подруги Джуд. Утром она начинает читать личный дневник Джуд, который та специально оставила для нее перед уходом на работу. Дневник имеет заголовок *Акылят*, т. е. «Покорные жены», как узнает Рода, выяснив значение этого редкого в современном арабском языке слова при помощи электронной поисковой системы «Гугл». Стоит сразу сказать, что мысль об исключительном значении сети Интернет для современного человека, особенно человека творческого, звучит в романе неоднократно. Дневник Джуд представляет собой собрание историй — по большей части печальных — из жизни разных женщин, с которыми автору дневника, занимающей пост директора женской школы, довелось общаться. Как выясняется позже, Джуд решила ознакомить Роду с содержанием дневника для того, чтобы подруга, имеющая литературные способности, использовала эти материалы для написания рассказов или романа. Между тем Рода рассказывает о своей дружбе с Джуд, о несчастной любви Джуд, о собственном неудачном браке (она разведена, а две ее дочери и сын остались у бывшего мужа), о взаимоотношениях своих родителей, о том,

---

⁵ О ее творчестве см. [3, с. 247–248, 329–333].

как она приступила к написанию романа «Покорные жены». В ходе этого рассказа и далее большое внимание уделяется йеменским общественным нравам, культурным, социальным и политическим проблемам страны, что вообще характерно для авторской манеры Надии аль-Каукабани, очень близкой к публицистической. Затрагиваются такие темы, как экстратрадиция йеменских иммигрантов из Саудовской Аравии в 1990 г. [4, р. 41], показная набожность многих йеменок, за которой скрываются их жизненные разочарования [4, р. 53–54], негативное отношение йеменцев к женскому образованию [4, р. 69], женскому творчеству [4, р. 84–86] и работающим женщинам [4, р. 94–95], роль мусульманских проповедников-мракобесов в сохранении женского бесправия [4, р. 70, 227], низкий уровень высшего образования в стране и нерадивость йеменских студентов, обучающихся за рубежом [4, р. 165–166], коррупция в сфере водопользования [4, р. 188] и землепользования [4, р. 261–262], возрождение южнойеменского сепаратизма в 2000-е годы [4, р. 270–271]. Интересно, что среди этих сюжетов есть и скандальные истории последних лет, получившие широкое освещение в прессе и сети Интернет, такие как арест в 2001 г. маньяка, прятавшего тела убитых им девушек в морге медицинского факультета университета Саны [4, р. 69–70], и история йеменской девочки Нуджуд, выданной замуж в восьмилетнем возрасте и беспрецедентным образом сумевшей добиться развода, благодаря чему в 2008 г. она вошла в мировой список десяти женщин, внесших наибольший вклад в дело социального прогресса [4, р. 132–133]. Интересно также, что в ходе своего рассказа Рода обсуждает прочитанный ею роман Надии аль-Каукабани «Всего лишь любовь» [4, р. 87–88], а Джуд в своем дневнике излагает содержание известного рассказа писательницы «Салют в ознаменование лишения невинности» (Ал'аб нариййа ли-хтифаль фадд бикара), переведенного на ряд европейских языков [4, р. 127–132].

Очень колоритным и типичным для Йемена предстает образ отца Роды, подобные образы можно встретить в произведениях и других йеменских писателей. До революции 1962 г. он служил личным осведомителем наместника имама и, пользуясь своим положением, обирал простых людей, во время революции с готовностью выдал новой власти ценности, принадлежащие прежним правителям, в боевых действиях гражданской войны участия не принимал, скрываясь в доме жены, а после их окончания сумел убедить руководство страны в своих «революционных заслугах», благодаря чему получил доступ к государственным постам и материальным ресурсам. Недовольный темой, которую Рода избрала для своего романа, он предлагает ей помочь ему писать мемуары о его революционной борьбе, на что получает решительный отказ.

За рассказом Роды о собственном жизненном опыте и жизненных наблюдениях следуют семнадцать женских историй, взятых из дневника Джуд, которые предваряются эпиграфами — цитатами из сочинений йеменских писательниц и поэтесс. Здесь автор романа позволяет себе быть более критичной и откровенной — возможно, потому что повествователем здесь является не Рода, ассоциирующаяся у читателя с самой писательницей, а Джуд. Вот, например, мнение о роли некоторых мусульманских священнослужителей в сохранении диких общественных нравов:

«...Поэтому он позволил себе делать со мной то, что делал с того момента, как я перестала быть ребенком, то есть, когда у меня впервые начались менструации, которые в нашей стране означают, что я стала женщиной, пригодной для интимных отношений, — в полном соответствии с мнением имама одной из мечетей, который изложил свои взгляды в газе-

те, возражая против решения парламента запретить вступать в брак лицам, не достигшим семнадцатилетнего возраста [4, p. 227].

А вот как зачастую решается в Йемене вопрос бракосочетания:

Ей велели оставить школу и за месяц подготовиться к свадьбе. Что она и сделала. Двоюродный брат готов⁶. Вернулся с дипломом инженера из Америки. Заплатил за нее большой махр⁷, подготовил для нее роскошный дом. Ведь он, в конце концов, и прежде всего, ее двоюродный брат, который будет ценить ее и даст ей все необходимое, чего не стоит ожидать от чужого человека. Что же ей еще надо? Естественно, ничего! По их мнению, конечно же, ничего. Ведь ее посещение школы было просто развлечением, необходимым лишь для того, чтобы она не чувствовала себя белой вороной среди других девушек — соседок, подружек и знакомых [4, p. 151].

Вот, наконец, что говорится о поведении типичного йеменца в супружеской постели:

Мужчину, подруги мои, вообще не волнует, получила женщина от него удовольствие, или нет. Его не волнуют ее потребности, которые в действительности не отличаются от его потребностей, поскольку она состоит из такой же плоти, крови и желаний, как и он сам. Из священной триады, с которой мужчина считается лишь в той степени, какая его устраивает. И женщине, имеющей подобного мужчину, который, едва излив в нее свою жижку, замирает без дыхания на кровати, приходится бежать в ванную и, заперев за собой дверь, самостоятельно завершать то дело, которое должен был сделать он. При этом она должна подавлять в себе стоны удовольствия, чтобы он не услышал, как она удовлетворяет собственное желание, пытаясь одновременно соответствовать его представлению о том, что она холодна и даже в мыслях не держит измены, поскольку ее телу секс безразличен и не нужен [4, p. 179–180].

В отличие от многих описанных в дневнике Джуд типичных для Йемена персонажей и ситуаций, лишь желанием автора романа эпатировать читателя можно объяснить появление в этом дневнике персонажей, страдающих психическими расстройствами, случающимися у представителей любого общества, а не только йеменского. Это, например, муж, не выполнявший свой супружеский долг, поскольку был гомосексуалистом (в истории Н. Дж.). Это родственник-педофил, имам мечети педофил и муж сексуальный садист (в истории Н. Х.). Это муж, работавший за рубежом мальчиком по вызову и заразивший потом молодую жену СПИДом, отчего она покончила собой (история Н. С.). Это, наконец, отец, насилующий свою дочь на протяжении многих лет (история Н. Б.). Присутствие в романе этих извращений, нетипичных для обыденной жизни, способно породить у читателя примерно такое же отношение к роману, какое нормальный человек испытывает к «желтой прессе».

В заключительной части романа, где Рода рассказывает о том, как литературное творчество помогло ей преодолеть многолетнюю депрессию, и о публикации романа (уже и с описанием реального оформления обложки анализируемого нами романа!) в Ливане, довольно много внимания уделяется сопоставлению общественных нравов в Йемене и в странах Запада. Это связано с тем, что Рода знакомится со своими приехавшими в Йемен сводными братьями, чья мать-итальянка Катрин много лет назад сбежала от отца Роды с двумя детьми и увезла их в Италию. Отношение человека к работе, к своим общественным обязанностям, к государственной власти,

⁶ В Йемене традиционно принято выходить замуж за двоюродных братьев.

⁷ Махр — выкуп, который жених платит за невесту.

к другой человеческой личности — по всем этим параметрам сравнение оказывается не в пользу Йемена, что видно даже на примере «йеменских» и «итальянских» братьев Роды. Забавно, что один из «итальянских» братьев, проводя это сравнение, говорит о том, что жизнь людей в Италии в большей степени соответствует принципам ислама, чем жизнь людей в Йемене [4, р.283–284]. Очевидно, писательница, искусственно наделяя выросшего в Италии и воспитанного матерью-христианкой молодого человека знанием принципов ислама, стремилась подчеркнуть свою приверженность исламским ценностям, в которой читатель уже готов был усомниться. И совершенно обескураживающей для читателя является радость Роды, писавшей об «ужасах» брака, заключаемого без предварительного близкого знакомства будущих супругов, когда она выдает одну свою дочь замуж за почти не знакомого ей «продвинутого» молодого йеменца, получившего образование в Америке и увлекающегося компьютером, а вторую дочь — за брата этого молодого человека, тоже получившего образование в Америке и, надо полагать, тоже «продвинутого». Конечно же, Рода (= Надия аль-Каукабани) не настолько наивна, чтобы полагать, что человек, получивший образование в Америке и увлекающийся компьютером, не может оказаться гомосексуалистом, педофилом, садистом, импотентом, негодяем и т. п. По всей видимости, писательница просто не смогла придумать, каким образом дочери Роды могли бы близко познакомиться с двумя молодыми людьми, не нарушив общественной нравственности и не опорочив тем самым честь Роды (= Надии аль-Каукабани). Тогда получается, что все изложенное в романе было продиктовано не осмысленным неприятием писательницей йеменских общественных нравов, а лишь ее стремлением сочинить своего рода триллер про йеменскую жизнь, призванный шокировать читателя.

Мухаммед аль-Гарби Амран, автор пяти сборников рассказов иронически-постмодернистского характера, задумал свой первый роман «Красный манускрипт» как реалистическую национальную эпопею, проливающую свет на некоторые темные стороны послереволюционной истории Йемена, о чем он сам говорил автору этих строк еще до публикации романа⁸. События, охватывающие в романе период с 1977 по 2006 г., излагаются в виде писем, которые йеменка средних лет по имени Сумбария пишет своему сыну Ханзале, уехавшему в 2000 г. на учебу в Ирак. Такой «эпистолярный» вид изложения был выбран автором явно неудачно, поскольку нигде в этих «письмах» не соблюдается естественный эпистолярный стиль: в них включены диалоги, а также «письма» (тоже со включенными в них диалогами), которые Сумбария получала ранее от своего двоюродного брата по имени Таб'а, ставшего ее неофициальным мужем и отцом Ханзали. В письмах сыну Сумбария рассказывает о своих текущих проблемах, а заодно излагает историю своих отношений с Таб'ой, которого Ханзала увидел впервые, когда прощался с матерью в аэропорту Саны.

История близких отношений двух главных героев, Сумбарии и Таб'ы, началась в 1977 г. в их родном северойеменском селении Хусн-'Арфата, когда отец Таб'ы и дядя Сумбарии по имени Атви оказался в роли зачинщика конфликта между жителями селения и местным шейхом, который попытался завладеть землями своих подопечных, пользуясь их бедственным положением из-за случившейся в тот год засухи. Заступившийся за отца юный Таб'а оказался в тюрьме шейха, из которой бежал и неко-

---

⁸ О рассказах писателя см.: [3, с.246–247, 268–276].

торое время скрывался в пещере в окрестных горах. Сюда, в пещеру, юная Сумбария носила ему пищу, и здесь родилось их взаимное чувство. Когда люди шейха, взявшие Сумбария под наблюдение, вышли на след Таб'ы, ему пришлось покинуть окрестности селения, и с этого момента начались его скитания.

После непродолжительного бродяжничества в компании профессионального чтеца Корана Таб'а вступает в ряды Национально-демократического фронта (НДФ) — тайной оппозиционной организации левого толка, которая при поддержке правительства Южного Йемена в 1970-х — начале 1980-х годов вела вооруженную борьбу против консервативно-традиционалистского правительства Северного Йемена и прочих консервативных сил в стране. Все дальнейшее повествование, связанное с Таб'ой и ведущееся от его же имени (в его «письмах»), представляет собой описание действий НДФ, вплоть до уничтожения этой организации в 1982 г. В этом описании, впрочем, документальная сторона явно преобладает над художественной, а его нейтральная, «тезисная» тональность явно не соответствует манере повествования реального участника событий. Лишь несколько эпизодов здесь звучат как действительные впечатления очевидца, например, пребывание героя в лагере подготовки бойцов НДФ на территории Южного Йемена.

После остановленной экспансии сил НДФ в 1979 г. и урегулирования конфликта между двумя йеменскими государствами Таб'а возвращается в окрестности родного селения, где тайно встречается с Сумбарией, но вновь бежит, преследуемый людьми шейха. Атви отправляет Сумбария вместе с матерью в Сану, поскольку для шейха она уже стала «бельмом на глазу». В Сане Сумбария вступает в контакт с девушкой по имени Хумейна, работающей в обслуге постоянного двора и являющейся членом НДФ. Хумейна знакомит ее с человеком по имени Фидель, который снимает для Сумбарии и ее матери частный дом — как позже выясняется, по просьбе Таб'ы. Однажды Хумейна устраивает для Сумбарии тайную встречу с Таб'ой — ночью в виноградниках в пригороде Саны, где и происходит зачатие Ханзали. Эта интимная встреча описана автором с нарочитой откровенностью, и соответствующий фрагмент вынесен издателем на заднюю обложку романа.

Пока Сумбария занимается воспитанием родившегося ребенка, параллельно помогая Хумейне в ее подпольной деятельности (каким именно образом — автор не объясняет), Таб'а продолжает участвовать в акциях ячеек НДФ, среди которых убийство шейха Хусн-'Арфаты, а также подготовка покушения на президента Северного Йемена. Вот что говорится об этих акциях НДФ:

Одни ячейки использовали заброшенные колодцы, куда они сбрасывали тех, кто считался врагом. Другие предпочитали высокие утесы, с которых они сталкивали вниз людей, притеснявших земледельцев, и над их трупами потом долго кружили орлы. Некоторые ячейки умело устраивали засады на дорогах, в частных домах и общественных местах. Все эти операции всегда проводились на рассвете. Были также ячейки, специализировавшиеся на установке противопехотных мин с целью уничтожения представителей власти. Что же касается огнестрельного оружия, то его в этих операциях по ликвидации использовали редко [5, p. 195].

С началом же 1982 г. деятельность НДФ резко идет на спад по причине изменения политики Южного Йемена в отношении Севера, обусловленного изменением расстановки сил внутри южнойеменского правительства. Фактическое предательство южнойеменскими властями своих соратников в НДФ позволяет северойемен-

ским спецслужбам за короткий срок физически уничтожить большую часть функционеров этой организации. Вот как описывает это автор устами Сумбарии:

Спецслужбы и их сообщники начали широкую кампанию по выявлению и уничтожению законспирированных ячеек Национально-демократического фронта. Внезапно исчез товарищ Фидель. Как-то утром в пятницу его труп обнаружился плавающим на поверхности одного из отстойников в окрестностях Саны. Некоторые другие товарищи также исчезли при загадочных обстоятельствах. Каждое утро людям приходилось видеть трупы, брошенные на окраинах городов. И снова исчезали люди, чьи тела потом находили где-нибудь в другом городе» [5, р. 279].

В ходе этой кампании мученически погибает Хумейна, а Таб'а уже не появляется в Северном Йемене, войдя в близкое окружение Абд аль-Фаттах Исмаила, одного из южнойеменских лидеров. Связь его с Сумбарией прерывается на долгие годы. Впрочем, ей известно от дяди, что вместе с Абд аль-Фаттахом Таб'а долгое время жил в Москве, затем участвовал в южнойеменской гражданской войне 1986 г. Не возвращается Таб'а и после объединения Йемена в 1990 г.

Вновь Таб'а появляется в Санае лишь в 2000 г.: он приходит в аэропорт, где Сумбария прощается с улетающим в Ирак Ханзалей. С этого момента начинается та часть повествования, которая в письмах Сумбарии предстает как текущие обстоятельства ее жизни. В сюжетно-стилистическом отношении эта часть кардинально отличается от предыдущей: это уже не реалистическая эпопея, а скорее приключенческий детектив. Вскоре после отъезда Ханзали в Ирак бесследно исчезает престарелый Атви, вновь вовлеченный в «земельную» тяжбу жителей Хусн-'Арфаты с ее новым шейхом, сыном предыдущего. Сумбарии подсказывают, что дядя, вероятно, содержится в одной из тайных тюрем Саны, и она начинает его поиски. Она обращается за помощью к матушке Фатмине, жене одного из влиятельных шейхов, и в ее доме случайно обнаруживает «следы» пребывания Атви в Санае, а именно листы, вырванные из принадлежащего Атви «красного» манускрипта, в котором его предками были собраны вместе священные тексты всех авраамических религий. Эти листы выводят Сумбарию на Большую санаанскую мечеть, в тайных помещениях которой, как она полагает, и содержится Атви. Далее следуют ее попытки обследовать мечеть, изображенные автором романа в духе дешевого «готического» детектива. Здесь и переодевания в мужчину, и зловещий одноногий служитель, и хранилище вещей «замурованных жертв», и страшный подвал с обгоревшими костями, и т. п. В итоге Сумбарии удается выяснить у «зловещего» служителя, что Атви действительно привозили в мечеть неизвестные люди — на тайное заседание религиозной комиссии, определяющей степень ереси подозреваемых в таковой. Причиной подозрений в случае Атви как раз и стал его «красный» манускрипт. После того, как Атви изложил комиссии свои пантеистические убеждения, его отправили в одну из санаанских тюрем, изъяв из его манускрипта некоторые фрагменты.

Тем временем из Ирака неожиданно возвращается Ханзала, который по неизвестной причине ни разу не ответил на материнские письма и которого Сумбария уже считала погибшим в войне 2003 г. Сразу же выясняется, что Ханзала стал убежденным фундаменталистом; он начинает угнетать мать, указывая ей, как она должна себя вести, как одеваться, с кем общаться и т. п. Жизнь ее с сыном становится невыносимой, пока, наконец, он вдруг не исчезает — так же неожиданно, как и появился после шестилетней разлуки. Завершается роман тем, что Атви выпускают из тюрь-

мы — благодаря деятельности одной из иностранных правозащитных организаций, Таб'а появляется на телеэкране в роли лидера некой вновь созданной марионеточной партии, а имя Ханзали фигурирует в списке разыскиваемых террористов.

Тот факт, что вооруженная борьба НДФ против консервативных сил Северного Йемена до появления этого романа практически не была отражена в национальной литературе, обусловлен чрезвычайной «болезненностью» этой темы для всех йеменцев — особенно после объединения двух частей страны, когда идеологи двух сторон конфликта оказались гражданами одного государства и даже членами одного правительства. Мухаммед аль-Гарби Амран впервые показал весь масштаб и всю противоречивость этого конфликта, зверства обеих сторон, предательство руководством Южного Йемена своих северойеменских соратников. Одного этого хватило бы для приобретения романом известности, хотя в нем затрагивается еще масса «острых» для Йемена тем, связанных с существованием тайных тюрем в йеменской столице, с «аденской бойней» 1986 г., с йеменской гражданской войной 1994 г., с войной в Ираке, с ростом исламского фундаментализма и терроризмом.

Однако писатель, очевидно, решил, что без сексуальной темы роман не сможет выйти на уровень, требуемый для широкого признания. Так появилась пара глав, в которых юный Таб'а бродяжничает в компании профессионального чтеца Корана, донимающего по ночам подростка проявлениями нежности к его половому члену. Накануне своего вступления в отряд НДФ Таб'а узнает причину такого поведения своего спутника: половой член чтеца Корана был кем-то отрублен. Читатель, естественно, ожидает узнать тайну этого увечья, однако речь об этом в романе больше не заходит, хотя сам чтец Корана появляется в романе еще раз в связи с поисками Сумбарией своего дяди. Фактически этот персонаж в романе понадобился автору лишь для изображения «эротических», если их можно так назвать, сцен.

Целая сюжетная линия — отношения Сумбарии с матушкой Фатминой — появилась в романе, по-видимому, лишь из-за желания автора показать сцены лесбийских отношений, в том числе лесбийских оргий. Жена влиятельного шейха, так и не сумевшая оказать Сумбарии реальной помощи в поисках дяди, приглашает ее в одну из санаанских бань, где выясняется, что эта пожилая дама является лидером целой компании лесбиянок, устраивающих оргии в банях. В ходе оргии, которую автор описывает с возбуждающим натурализмом, сорокалетняя Сумбария с удивлением обнаруживает в себе сильнейшую лесбийскую склонность и становится любовницей Шахнамы, служанки матушки Фатмины. Их любовные отношения продолжают развиваться до тех пор, пока вернувшийся из Ирака Ханзала не изгоняет Шахнаму из дома матери. Есть в романе и другие вызывающие сцены, связанные с человеческим телом, например, проверка на девственность народным способом, которую устраивают Сумбарии старшие односельчанки после повторного бегства Таб'ы из селения.

Все эти побочные сюжетные линии и эпизоды, введенные автором лишь для того, чтобы эпатировать читателя, в конечном счете сделали сюжет этого и без того «многостильного» романа весьма «рыхлым», существенно снизив тем самым его художественную ценность.

В завершение этого анализа трех новых йеменских романов следует сказать, что сочиняя подобные вещи, писатели, конечно, всегда рискуют. Ваджди аль-Ахдаль, один из самых популярных ныне йеменских писателей, имеющий на сегодняшний

день уже три романа, переведенных на европейские языки, после выхода своего первого романа в Йемене был вынужден бежать из страны, спасаясь от преследования со стороны властей и исламистов (об этом см.: [6]). После заступничества за него известного немецкого писателя Гюнтера Грасса, обратившегося напрямую к президенту Йемена, аль-Ахдаль смог вернуться, однако до сих пор с ним происходят разные неприятные вещи, явно спровоцированные властями. Мухаммед аль-Гарби Амран сразу после публикации «Красного манускрипта» был снят с должности вице-мэра йеменской столицы без какого-либо объяснения причин. Подобные вещи, происходившие с писателями из других арабских стран, также широко известны. И тем не менее, стремление к общеарабскому признанию, а еще лучше — к признанию на Западе, заставляет писателей демонстрировать свою «раскрепощенность» — как мы увидели — не всегда лучшим образом, и не всегда истинную.

Литература

1. Суворов М. Н. «Большая» проза Йемена во второй половине первого десятилетия XXI века // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 4. С. 83–91.
2. *al-Muqrī, 'Alī. Al-Yahūdī al-ḥālī*. Beirut, 2009. 149 p.
3. Суворов М. Н. Художественная проза Йемена (1940 — середина 2000-х годов). СПб., 2010. 359 с.
4. *al-Kawkabānī, Nādiya. 'Aqilāt*. Sanaa, 2009. 307 p.
5. *'Amrān, Muḥammad al-Ḡharbī. Muṣḥaf aḥmar*. Beirut, 2010. 348 p.
6. Суворов М. Н. Постмодернистские романы-пародии йеменского писателя Ваджди аль-Ахдаля // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 289–296.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.